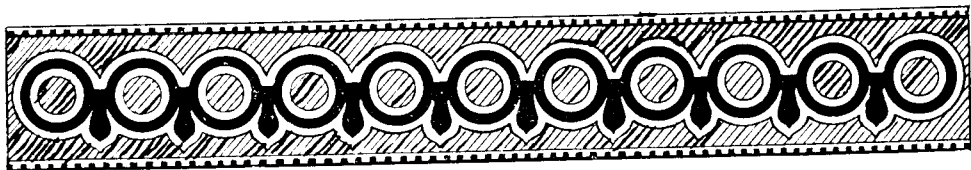

И. С. Гурвич. Труды Института этнографии им. Н. П. Рубцова
Москва. Новая серия. 1966. № 2. 111

Собрание документов, рукописей и других
материалов по истории Камчатки.

Москва. Изд. ИИЭЭР. 1966. Обл. переплет.
56. 111 стр.

И. С. ГУРВИЧ

ЭВЕНЫ КАМЧАТСКОЙ ОБЛАСТИ

Этнографическая литература о народностях Камчатского полуострова — ительменах, коряках, камчадалах (понимая под этим этническим термином русских старожилов и слившихся с ними обруселых ительменов) — весьма значительна. Литература же о камчатских эвенах сравнительно бедна, им посвящены отдельные заметки и беглые очерки.

Однако эта этническая группа заслуживает большего внимания. Сам факт сложения на Камчатке за сравнительно короткий отрезок времени своеобразной обособленной группы эвенов представляет собой несомненный интерес для этнографов и историков. Описанию эвенов Камчатки и посвящена данная статья.

В настоящее время эвены расселены по Камчатке тремя группами: 1) Основная масса эвенов сосредоточена в Быстринском районе в колхозах им. XX партийного съезда (пос. Анавгай), им. Ленина (пос. Лаучан), им. Сталина (пос. Твоян). Несколько семей эвенов живут в районном центре — пос. Эссо. Всего эвенов в пределах Быстринского района насчитывалось в 1957 г. 506 человек. 2) В Тигильском районе живет несколько десятков эвенов, которые входят в корякские колхозы «Пролетарий» (пос. Палана) и им. Кирова (с. Седанка-Кочевая). 3) К камчатским эвенам с рядом оговорок могут быть причислены пенжинско-олюторские эвены. Они, входя в состав Камчатской области, издавна поддерживали связи с эвенами, кочевавшими в центральной части Камчатского полуострова. Численность этих эвенов около 600 человек. В Олюторском районе эвены живут в Ханлинском сельсовете в Корфском оленеводческом совхозе. В Пенжинском районе эвены входят в колхоз «Полярная звезда» (с. Аян-ка), расположенный на границе с Чукотским национальным округом, а также живут в Окланском и Пенжинском оленеводческих совхозах (поселки Оклан и Славутное). В прошлом, до коллективизации, эти эвены кочевали по Срединному хребту, главным образом по его западным склонам, по восточным склонам Корякского хребта, в верховьях рек Оклана и Пенжины.

Об изменениях в численности и расселении камчатских эвенов можно судить по данным позднейших переписей. Переписью 1926—1927 гг. в пределах современного Быстринского района было выявлено 470 эвенов обо-го пола¹. В 1897 г. здесь было учтено 442 эвена.

О кочевавших между реками Рекинники и Анапка на севере и реками Напана и Седанка на юге тигильских эвенов известно, что в 1926—1927 гг.

¹ Е. П. Орлова. Хозяйственный быт ламутов Камчатки. «Северная Азия», 1928, № 5—6, стр. 84.

их было 71 человек². «Это северная ветвь камчатских ламутов, обитающих в хребтах в центре полуострова», — писал об этой группе К. Шавров, производивший перепись в этом районе³.

«В то время, — писал он, — как ламуты Среднего хребта издавна живут замкнутой группой, чуждой посторонним влияниям как биологическому, так и хозяйственному, — эта небольшая часть их, откочевав на север, вменялась в гущу коряцкого (чаучу) населения и столкновение с народностью более сильной и здоровой не могло не отразиться на их физиономии. Заметна и сознательная тенденция слиться с коряками (чаучу)»⁴. Шавров отметил, что эти эвены нередко вступают в браки с коряками и что в их хозяйстве много коряцких черт⁵.

Пеижинско-олюторские эвены, по данным переписи 1926—1927 гг., показаны вместе с гижигинскими эвенами и определить их численность трудно. Отметим только, что численность эвенов в 1920-х годах на территории современного Пеижинского и Олюторского районов увеличилась за счет переселения с Охотского побережья и из Анадырского округа.

Тип хозяйства и образ жизни пеижинско-олюторских эвенов приближался к традиционному эвенскому. Главной отраслью хозяйства здесь была охота, оленеводство имело подсобное транспортное значение, рыболовство служило второстепенной вспомогательной отраслью хозяйства. Тип хозяйства быстринских эвенов приближался к типу хозяйства кочевых коряков-оленьеводов. Хозяйство тигильских эвенов имело смешанный переходный характер, сочетая в себе и эвенские и коряцкие особенности.

В XVIII в. на Камчатке эвенов не было. В первых подробных описаниях коренного населения Камчатки — «сказках» пятидесятника Владимира Атласова, в сочинениях участников Второй Камчатской экспедиции XVIII в. Степана Крашенинникова, Стеллера об эвенах ничего не сообщается. Нет никаких упоминаний об эвенах и в официальных документах XVIII в., касающихся ясачного (податного) населения Камчатки. Следует отметить, что к XVIII в. русские служилые люди накопили достаточно сведений о коренном населении Сибири и в административной практике отличали ламутов (эвенов) от их соседей — коряков, юкагиров, якутов, поэтому нет оснований для предположения, что эвены могли быть спутаны с какой-либо другой народностью. Не могли остаться эвены и незамеченными на Камчатке, если бы они там были, так как русские служилые люди в поисках ясачных плательщиков, а промышленные люди в поисках соболя уже в первой половине XVIII в. вдоль и поперек исходили Камчатский полуостров.

Первые сообщения об эвенах на Камчатке относятся к середине XIX в. «2 марта (1852 г.) в Петропавловск явились в высшей степени замечательные гости, — отметил в своем дневнике исследователь Камчатки К. Дитмар. — В первый раз сюда пришли ламуты. Четверо мужчин этого племени приехали утром прямо к Завойко⁶, чтобы спросить у него, где бы всего выгоднее продать им свою охотничью добычу. Ламуты — тунгусское племя, кочующее по западному берегу Охотского моря, приблизительно между Аяном и Ижигинском. Побуждаемые, вероятно, теснотой родного места, многие из них собрались всей семьей, пробрались через Пеижинский край,

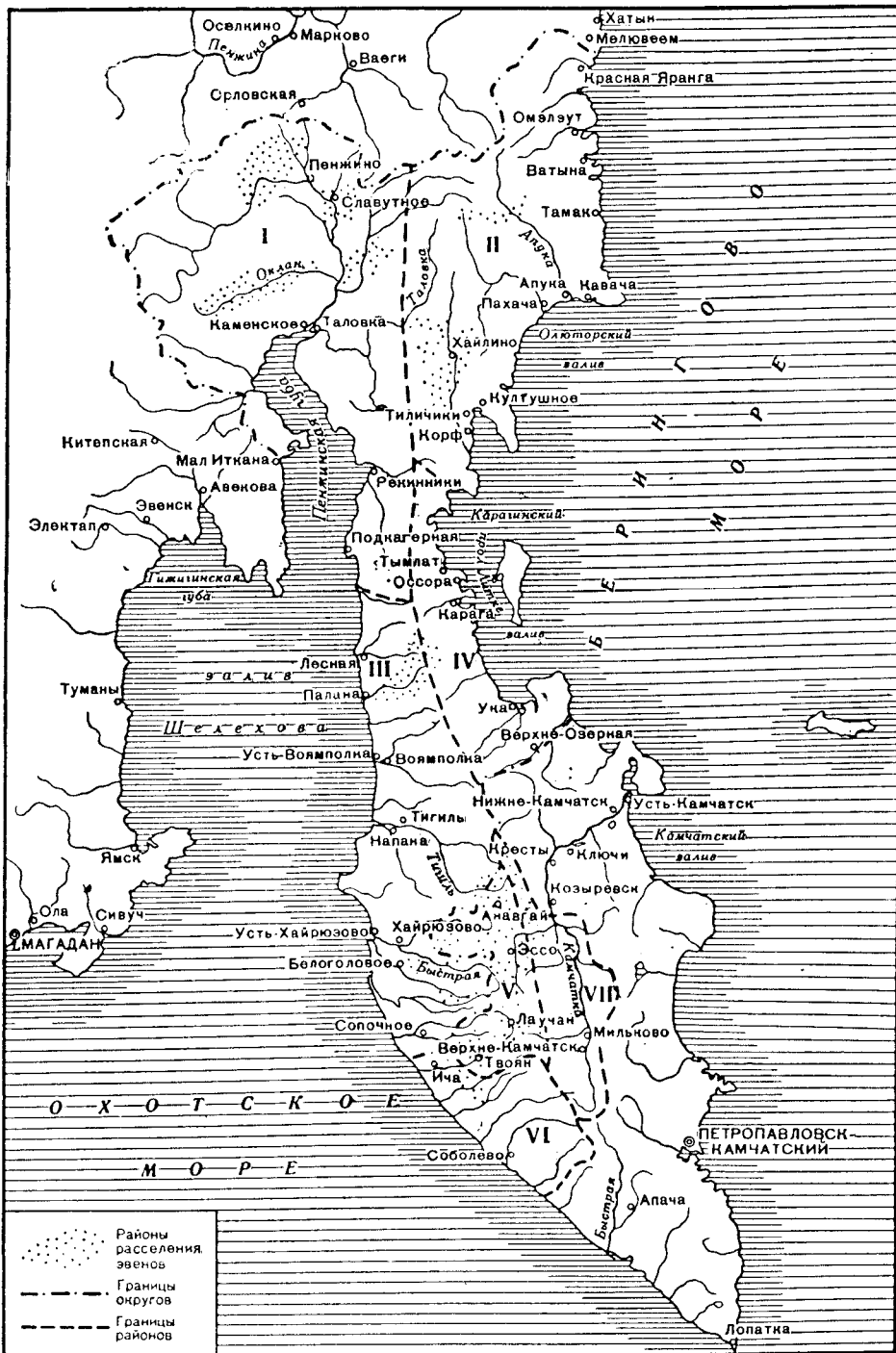
² К. Шавров. О населении северной части полуострова Камчатки. Статистический бюллетень Дальневосточного краевого статистического управления. Хабаровск — Благовещенск, 1927, стр. 90.

³ Там же, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ Там же.

⁶ Губернатор Камчатки.

Расселение эвенков Камчатской области

I — Пенжинский район, II — Олюторский район, III — Тигильский район, IV — Карагинский район,
 V — Быстринский район, VI — Соболевский район, VII — Мильковский район

заселенный коряками, и заняли обширные, безлюдные части Камчатки, главным же образом Срединный хребет и западный берег. Здесь пришельцы нашли огромные пастбища для своих оленей, очень рыбные реки и богатую охоту. За первыми колонистами последовали многие другие их соплеменники, так что всего (правда, по их собственному показанию) в Камчатке было теперь 35 мужчин и 37 женщин ламутского племени. Сначала (полагают, что впервые они здесь появились лет 9—10 тому назад) ламуты избегали встречи с чужими людьми и всяких заселенных мест из опасения, что они будут прогнаны, как самовольные пришельцы, и даже пожалуй подвергнутся наказанию; потом, однако, случайно встречаясь с камчадалами — охотниками, они убедились, что ни камчадалы, ни власти их не преследуют. Тогда они стали смелее, оставили свои дальние притоны, начали посещать некоторые камчадалские остроги и по вызову местного начальства стали являться к уплате податей (ясака)»⁷. Приехавшие к губернатору ламуты (эвены) рассказали, что обосновались около Большеречка и довольны своей новой родиной.

В дальнейшем Дитмар узнал у камчадалов, обитателей Козыревска, что ламуты освоили оба склона Срединного хребта за несколько лет до их появления в Петропавловске⁸. Хорошо встреченные Завойко, они стали часто появляться в Петропавловске в последующие годы с целью сбыта пушнины и приобретения чая, табака, пороха и дроби⁹.

Интересные сведения о переселении эвенов на Камчатку удалось обнаружить в Центральном государственном архиве Якутской АССР. В 1861 г. военный губернатор Приморской области сообщал в Якутск: «При проверке и пересоставлении мною ревизских сказок по 10-й переписи о камчатских инородцах оказались нигде не причисленными зашедшие сюда с давних времен ламуты Колымского округа, которые даже не знают, к какому роду колымских ламутов они принадлежат»¹⁰.

Расследование, произведенное нижеколымской администрацией, показало, что эти ламуты принадлежали к ламутскому нижеколымскому роду старосты Саввы Балаганчикова и что за ушедших этот род платил ясак¹¹.

Предания, бытующие среди быстринских эвенов, в целом подтверждают эти свидетельства. «Переселялись сюда эвены, — рассказывал нам наш информатор эвен Дыгдычев Макар, — отдельными группами. Сначала приехал некий Тимашка со своим отцом. Они посмотрели уголья, побывали в Петропавловске, затем вернулись обратно в Гижигу и рассказали эвенам о том, что здесь хорошо, привольно можно жить. От гижигинцев отколотись и пришли сюда Уяганы и Долганы. Потомки Тимашки живут в Твояне. Когда пришли сюда, то были видны еще заброшенные ительменские землянки»¹². Переселение эвенов на Камчатку Дыгдачев датировал следующим образом: он сам родился уже на Камчатке, ему 96 лет, его отца привезли на Камчатку первые переселенцы-эвены младенцем, умер его

⁷ К. Дитмар. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг., ч. 1. СПб., 1910, стр. 183—184.

⁸ Там же, стр. 339.

⁹ Там же, стр. 573.

¹⁰ Центральный государственный архив Якутской АССР, ф. 11, д. 1683, лл. 26—30.

¹¹ Там же, л. 42.

¹² Среди быстринских эвенов сохранились воспоминания, что в местах их современного обитания раньше охотились ительмены и выпасали оленей коряки. Старики указывают на то, что по р. Быстрой встречаются следы заброшенных землянок. Отдельные речушки и горы носят корякские названия, например, Лаучан — от корякского слова, обозначающего короткие торбоза, Анавгай — от корякского слова сера. Имеющиеся эвенские названия недавнего происхождения.

отец в среднем возрасте, когда ему, Дыгдычеву, всего было семь лет, следовательно, можно полагать, что эвены появились здесь 120—130 лет назад.

По преданию, записанному у Федора Коеркова (60 лет), сын шамана Эмгени Михаил из Долганского рода и Коерков из Уяганского рода были первыми эвенками на Камчатке.

Легенда об Эмгени широко распространена также среди якутских эвенов на р. Уяндине¹³. По-видимому, «князец» под таким именем действительно существовал среди эвенов Якутской области в начале XIX в., когда происходило их крещение. Таким образом, данное предание также подтверждает, что первые переселенцы появились на юге Камчатки в середине XIX в., возможно в 1830-х — 1840-х годах. Как известно, в начале XIX в. в бассейнах Колымы и Индигирки наблюдались жестокие голодовки среди юкагиров и эвенов в связи с какой-то значительной откочевкой диких оленей или гибелью их. Это событие, по-видимому, и явилось причиной крупных миграций эвенов — переселения некоторых групп охотских и колымских эвенов на Камчатку.

О том, что камчатские эвенки являются выходцами из этих районов, свидетельствует и их родовой состав. Основная масса камчатских эвенов распределяется между двумя родами Долган и Уяган, очень небольшое число эвенов принадлежит к Деллянскому роду. Как известно, большинство эвенов северо-западного побережья Охотского моря входит в Долганские и Уяганские роды, колымские — в Уяганский и Деллянский. Е. П. Орлова при проведении переписи 1927 г. в Центральной части Камчатки выявила трех представителей Калумского рода, но, очевидно, это какое-то недоразумение: выходцы с Колымы показали не свой род, а свое прозвище, в котором отразилось их прежнее место жительства¹⁴.

До недавнего времени камчатские эвенки строго соблюдали обычай экзогамии. Мужчины из рода Долган брали себе жен из рода Уяган или Деллян и наоборот. Как показал наш опрос брачных пар, проведенный среди быстринских, хаилинских и окланских эвенов, большинство браков оказалось экзогамными. Члены одного рода считались родственниками. К члену своего рода обращались *нэгэ* (родич), а к члену чужого рода — *арак* (приятель). Все это позволяет полагать, что эвенки переселились на Камчатку в числе двух или нескольких экзогамных групп, так как с коряками и ительменами до недавнего времени эвенки не смешивались.

Кровные роды эвенов, очевидно, легли в основу административных родов I и II Долганского и I и II Уяганского. Во главе каждого рода стоял выборный староста, князец.

Выбор обычно падал на зажиточных эвенов. В обязанности старосты входили раскладка и сбор ясака, разбор жалоб и ссор, нарушений норм обычного права. Староста служил посредником между русской администрацией и членами административного рода, через него полицейские чины давали указания о предоставлении транспорта, встрече священнослужителей, времени сбора на родовые собрания. В знак власти староста имел печать. Помощником старосты являлся старшина.

Как старосты, так и старшины, появляясь в административных центрах для сдачи ясака, обычно вели и посредническую торговлю, сбывали купцам пушнину, собранную у своих сородичей в обмен на товары.

¹³ Материалы Усть-Янской экспедиции 1953 г. Якутского филиала АН СССР (Рукописный фонд Якутского филиала АН СССР).

¹⁴ Е. П. Орлова. Ламуты полуострова Камчатки. «Советский Север», 1930, № 5, стр. 42.

Все группы камчатских эвенов вели комплексное промысловое хозяйство. Охота на диких оленей и горных баранов преобладала в хозяйственной деятельности пенжинско-олюторских эвенов, большое значение она имела и для тигильско-палаанских эвенов. В хозяйственном комплексе быстринских эвенов охота отступила на второй план.

Среди камчатских эвенов бытовали общеэвенские способы охоты, о них хорошо помнят.

На диких оленей охотились с оленем-манщиком (*ондат*). Для этой цели подбирали оленя, похожего по масти на дикого. Его специально обучали слушаться сигналов — подергиваний повода. Во время подергивания манщик должен изображать испуг, шарахаться, отбегать, но двигаться в направлении, нужном охотнику. Дергая за длинный тонкий лахтачий повод, манщика подгоняли к стаду диких оленей. Прячась за манщика, маскируясь между кочек, к стаду подкрадывался и охотник.

Диких оленей преследовали также верхом в летний период, а зимой — на нартах. При этом учитывали особенность оленей — спасаясь от преследования, они обычно совершали круг, тогда как охотник ехал наперерез. Диких оленей преследовали по насту на лыжах. Для этого использовали широкие лыжи (*марэнетэ*), подбитые камусами или перничьей шкурой.

В охоте на горных баранов обычно принимали участие два охотника: один обходил и спугивал стадо, другой в это время находился в засаде и открывал стрельбу, когда к нему приближались бараны. Засаду устраивали около скал, там, где обычно ищут укрытия горные бараны. Стреляющий стремился прежде всего ранить вожака, тогда стадо в растерянности останавливалось. В это время охотник успевал убить еще двух-трех животных.

На горных баранов охотились и с собакой. Ее пускали по следу. Ламутские зверовые собаки высоко ценились на Камчатке. В конце XIX в. цена такой собаки доходила до 100 руб.

Медведей добывали в берлогах. Обычно выход заваливали жердями крест на крест так, чтобы медведь не мог вылезть, но мог просунуть голову; затем медведя «будили», бросая в берлогу подожженные лоскутки материи. Когда разъяренный зверь пытался вылезти, по нему открывали стрельбу.

Осенью около ягодников, иногда около озер, где медведи лакомятся ягодами или рыбой, ставили караулку — помост. На нем в лунные ночи устраивали засады.

На медведей настораживали также ременные петли (возможно, русский способ охоты). Отдельные смельчаки — эвены выходили на медведя с концем. В этом случае охотник старался поставить медведя на задние лапы, бросая ему шапку.

Хотя, по словам наших информаторов, в конце XIX в., их сородичи еще использовали лук и стрелы, в каждой семейной группе было и огнестрельное оружие — кремневые ружья. Оружием эвены были обеспечены значительно лучше коряков.

На соболя и лисицу охотились с собакой. При наличии глубокого рыхлого снега пользовались ступательными лыжами-ракетками, заимствованными от ительменов и коряков.

К концу XIX в. дикий олень в пределах Срединного хребта был в основном истреблен. Быстринцы охотились на медведей и горных баранов для того, чтобы добыть мясо и предотвратить забой домашних оленей. Подсобное значение имела и пушная охота. Охотились главным образом на лисицу и соболя. В незначительных количествах добывали горностая. Пушнина почти целиком шла на продажу. Сбывали ее скупщикам, посещавшим стойбища эвенов и выменивавшим пушнину на чай, табак, бое-

принасы, спирт. Часть пушнины вымешивали камчадалы, занимавшиеся посреднической торговлей.

В отличие от своих северо-камчатских и материковых сородичей быстринские эвены занимались преимущественно оленеводством мясо-шкурного направления. Согласно рассказам быстринцев, их предки переселились на Камчатку с весьма небольшим количеством оленей. Здесь богатые пастбища позволили им увеличить свой стада. Постепенно оленеводство стало основным занятием, а охота отступила на второй план. Несомненно, что к оленеводству мясо-шкурного типа быстринцы перешли под влиянием коряков.

На территории современного Быстринского района в 1920-х годах выпасалось 18—20 тыс. голов оленей. Средний размер оленьего стада зимой,

по словам наших информаторов, был 200—500 голов. Среди быстринских эвенов были и крупные собственники, имевшие по несколько тысяч голов оленей. Они и зимой содержали стада по 1000—1600 голов. В связи с тем, что в период появления крмаров и гнуса мелкие стада оленей крайне трудно выпасать, эвены, владевшие небольшими стадами до 100 голов, на летний период объединяли своих оленей или присоединяли их к стадам крупных оленеводов. Этим достигалась и известная экономия рабочей силы: часть оленеводов высвобождалась для рыболовства. Со своими оленями быстринские эвены кочевали по всему Срединному хребту. Зимой оленеводы держались в седловинах, укрытых от ветра, летом часть стад перегоняли на Западное побережье в тундру, а часть оленеводов откочевывала со своими стадами в гольцы.

Так же как и коряки, эвены не применяли дымокуров для защиты своих стад от гнуса, не доили важенок, не использовали при пастьбе оленегопных собак. От коряков они заимствовали упряжное оленеводство, дугокопыльные нарты. Но на нартах ездили только зимой. Во время весенних, летних, осенних, а в горной местности нередко и во время зимних перекочевок эвены передвигались верхом, вещи перевозили вьюком. Для езды на оленях использовали особые седла. Седло (*эмгуи*) укреплялось на лопатках оленя одной подпругой. При езде пользовались посохом. Под седло использовали главным образом кастратов. Холостили оленей закрытым способом обычно весной.

Иногда использовали одновременно несколько видов передвижения. «Во время кочевки,— писал в 1933 г. уроженец Быстринского района студент Института народов Севера эвен Г. Солдяков,— везем с собою все

Эвен с оленьей дугокопыльной партой

имущество, юрту и т. п. на оленях вьюком. Женщины и дети едут верхом, а мужчины на саях, запряженных парами оленей, а также на собаках»¹⁵.

Весь скарб укладывали в сумки, сшитые из шкурок с головы оленя (*мунэрэ*). Караван оленей, как правило, вела женщина. Во время перекочевок мужчины перегоняли оленей, охотились. Караван строился в следующем порядке: впереди на верховом олене (*учак*), ехала ведущая, за ней следовал олень с детской люлькой (*бэбэрук*), затем шли вьючные олени с грузом в переметных сумах (*гиллак*), далее олень, тащивший покрышки от чума, называвшийся *шгжуран*, потом олень с короткими жердями от чума (*чорарук*) и замыкал шествие олень, волочивший жерди (*ирукасак*).

У камчатских эвенов существует весьма разработанная оленеводческая терминология: новорожденный теленок называется — *онгачан*, теленок рожденный осенью — *энкэн*, годовалый теленок — *яекан*, двухгодовалый теленок самец — *мулкан*, двухгодовалая телка — *гулкэ*, трехлетний самец — *итэн*, четырехлетний — *нёркан*, пятилетний — *амаркан*, шестилетний — *дютты*, семилетний — *гяври*, восьмилетний — *иливри*, самка-важенка — *нями*.

В зависимости от внешнего вида и других особенностей олени носят различные названия-прозвища: *буды* — пестрый, *нянгты* — серый, *ангдэ* — черный, *мэнгты* — похожий на дикого, *каравун* — беловатый с темными пятнами, *тосалан* — белолобый, *банюк* — упрямый, *кокий* — бодливый, *итэнг* — резвый, *дяладь* — понятливый и т. д.

Имелась и особая терминология для отдельных частей рогов. Основа рогов называлась *пун*, передний выступ — *нэвэн*, длинные передние выросты — *каллан*, развилки — *ченэлэн*.

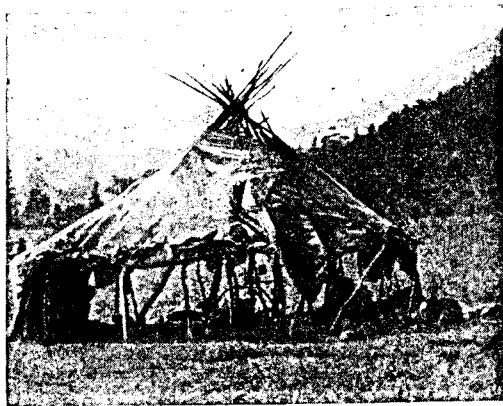
В отличие от своих материковых сородичей, камчатские эвены использовали разнообразные способы передвижения. От камчадалов и береговых коряков они заимствовали собачий транспорт. Собак припрягали кпрямокопильной нарте. Некоторые эвены — охотники использовали собачий транспорт во время пушной охоты.

В конце XIX в. почти во всех хозяйствах быстринских эвенов уже были лошади, на которых ездили в летнее время на дальние расстояния. Ездили только верхом. На лошадях, так же как и на собаках, выезжали на охоту. Зимой лошади паслись на подножном корму. Конский транспорт быстринские эвены, возможно, восприняли от якутов. В группе быстринских эвенов было несколько якутских семей, также занимавшихся оленеводством и охотой. В 1926 г. в 30 эвенских хозяйствах было зарегистрировано 134 лошади, т. е. на одно хозяйство в среднем приходилось 4,5 лошади.

Большую роль в хозяйственном комплексе всех групп камчатских эвенов играло рыболовство. Ранней весной у берегов рыбу добывали удочками с самодельными железными крючками. Вместо наживы на крючки надевали лоскутки красной материи. Во время рунного хода рыбы крупные экземпляры били с берега острогой со съёмным крюком (*элгэ*). При ударе крючок застревал в теле рыбы, выskalывал из гнезда и повисал вместе с рыбой на ремне. Рыбаку оставалось только подтянуть к себе добычу. Рыбу ловили также сетями. Эти способы добычи рыбы широко распространены также у эвенов Охотского побережья.

От ительменов и русских старожилов камчатские эвены (быстринцы) восприняли лов рыбы путем запоров (заездок) с мордами. Рыбные речушки перегораживали сплошным забором из решетчатых щитов. Их укрепля-

¹⁵ Г. Солодяков. О кочевом быте на Камчатке. Сб. «Тайга и тундра». Л., 1933, № 2(5), стр. 29.

Эвенский чум

ли кольями из боярышника или рябины и кольцами из корней или прутьев. В запруде устраивали несколько ловушек в виде пятиугольников: четыре стороны составляли щиты, пятую сторону — морда — продолговатый решетчатый ящик из жердей. Вход в морду представлял собой воронку из упругих острых прутьев или колеб, направленных внутрь. В верхней части морды имелось задвижное окошко для вынимания рыбы. Косыки рыбы, направляясь на нерест, задерживались плотиной. В поисках прохода рыба набивалась в ловушки и наполняла морды.

Установкой щитов, морд занимались все члены стойбища, свободные от выпаса оленей. Во время массового хода рыбы мужчины освобождали морды, а женщины пластали рыбу на юколу.

В качестве жилища камчатские эвены использовали цилиндрическо-конические чумы, по устройству близкие к чукотско-корякской яранге. Треноги из толстых жердей служили опорой для остова чума. Остов состоял из вертикально поставленных по кругу жердей чора (1—1,5 м), связанных между собой наверху обвязкой из поперечных перекладин, от обвязки к вершине треноги отходили длинные жерди — еран (2—2,5 м).

Таким образом, эвенский чум состоял из невысоких стен и конической крыши. В нем можно было стоять. Чум крыли ровдугой, зимой для тепла состоятельные эвены покрывали чум двумя слоями покрывок. Покрывки состояли из нескольких частей: нижняя называлась *иткидэн*, верхняя — *бои*, покрывка дымохода — *ачуран*. Для удобства перевозки нижнюю покрывку шили из 2—3 частей, верхнюю из 2—5. На все покрывки расходовали не менее 20 оленьих шкур.

В центре чума раскладывали костер. Над ним укрепляли поперечную жердь (*екэтэн*). Ее привязывали к опорным жердям. На эту жердь вешали цепь или железные крючья (*оллавуи*) для подвешивания котлов, чайников.

Северные группы камчатских эвенов в своих жилищах пологов не употребляли¹⁶. Быстринские эвены, подобно корякам, зимой устанавливали в чумах пологи (*элбэк*). На пошивку полога расходовали 8—10 шкур. Как и коряки, быстринцы пристраивали к чуму тунелеобразный вход — тамбур с занавеской (*колтыр*).

Пол в чуме устилали ветками, а поверх их — шкурами. Последние являлись и сидениями и лежанками. Мебелью служили деревянные ящики для посуды и миниатюрные столики на низких ножках или доски. После еды столик убирали. Спали эвены вдоль стен. Если в чуме было тесно (приезжали гости), то ложились ногами к огню. Все имущество обычно хранили вне чума во вьючных сумках, юколу, мясо, лишнюю одежду — на лабазах.

Своеобразные национальные черты сохранили камчатские эвены в одежде. В отличие от коряков, эвены носили не глухую, а распашную одежду. Полный мужской костюм состоял из короткой до колен оленьей

¹⁶ Среди северных эвенов нам пришлось слышать рассказы, что раньше не употребляли конические чумы.

Эвен в национальной одежде

дошки с несходящимися полами (*чобака*), штанов-трусов (*эркэ*), передника-нагрудника (*нэлэкэн*), надевавшегося под дошку, наколенников (*бокнан*), меховых чулок (*дотан*) и камусных (камус — шкура с оленьих ног) сапог с лахтачьими подошвами (*унты*). В унты для тепла клали стельку из сухой травы. Женский костюм состоял из распашной шубы (зимой надевали две шубы — одну мехом к телу, — другую — мехом наружу), передника-нагрудника с бахромой, надевавшегося под шубу, коротких штанов, длинных меховых чулок и унтов. Костюм дополняла капорообразная шапка (*авун*). Как женские, так и мужские пальто-комзолы шили в талию, нижние полы расклешивали клинья-

ми. В отличие от коряков, эвены очень экономно использовали шкуры оленьей. На женское пальто расходовали всего одну шкуру.

И женскую и мужскую одежду орнаментировали: полы, подол расшивали бисером, подшейным оленьим волосом, цветной кожей, крашеными заячьими лапками.

Особенно богато орнаментировали головные уборы. В прошлом, по словам наших информаторов, каждый эвен имел два костюма — один зимний, другой из ровдуги — летний. Летом нередко использовали старую зимнюю одежду.

Непромокаемые торбоза (*чары*; возможно, от якутского слова *сары*) шили из шкуры быка оленя. Мездру скоблили, но не снимали. Шкуру, чтобы придать ей непромокаемость, дымили, затем промазывали медвежьим салом и рыбьим жиром. Детям обычно шили глухие комбинезоны, состоявшие из рубахи со штанами и торбозами. У камчатских эвенов широко распространились корякские глухие кухлянки, с капюшонами, корякские длинные штаны, короткие торбоза.

Летом многие носили русские рубахи, брюки, платья, суконные кафтаны, фуражки, платки. Но, как праздничная одежда, во всех группах камчатских эвенов использовался свой национальный костюм.

Спальными принадлежностями служили меховые одеяла с мешком для ног.

В технике обработки шкур у камчатских эвенов можно наблюдать как чисто эвенские, так и корякские приемы. Быстринские и паланские эвены, например, сушили оленью шкуру так же, как и коряки. Оленью шкуру, снятую цезиком, перегибали вдоль по хребту, шерстью внутрь, и вешали на жерди около костра. Зимой ее сушили два дня с одной стороны и два дня — с другой. Затем мездру скоблили железным скребком на короткой ручке (*у*), потом камешным скребком, укрепленным в особой рукоятке

с двумя ручками. После этого шкуру дымили два-три дня и приступали к дублению. В качестве дубителя в этих группах эвенов, так же как и у коряков, употреблялся вареный олений кал. Им намазывали мездру. Затем шкуру свертывали и оставляли дубиться на ночь (6—8 часов). Дубитель затем снимали скребками. Шкуру просушивали и мяли особым инструментом на подобие тупой пилы с двумя ручками — *кэрдэ*. После этого шкуру вновь дымили.

Таким образом, быстринские эвены применяли характерные эвено-якутские орудия обработки шкур, но дубили шкуры корякским способом. У окланских эвенов нам пришлось наблюдать обычные эвенские способы обработки и дубления шкур, применяемые охотскими и якутскими эвенами.

Шкуры здесь сушили, распластывая их под жердями чума или на стене дома. Слой мездры снимали указанным выше способом. Шкуру продымляли и дубили кашницей из переваренной оленьей печени. Дальнейшие операции такие же, как и у быстринских эвенов. Большую часть шкур камчатские эвены, так же как и коряки, выделывали ранней весной и ранней осенью. Летом шкуры плохо поддаются обработке — быстро ссыхаются, а зимой мерзнут.

После выделки шкуры мездру окрашивали в красный цвет. У окланских эвенов красителем служил настой коры ольховника. В него добавляли золу (пережженный березовый наплыв).

Быстринские, паланские и хаилинские эвены применяли корякский краситель — стружки коры ольховника настаивали на моче, затем настой кипятили, бросая в него раскаленные камни. Когда краситель наносили на мездру, тщательно следили за тем, чтобы шкура не морщилась. После окраски шкуру растягивали, упираясь в нее пяткой.

Чтобы получить белую оленью кожу (применяется при отделке одежды), шкуру летом два-три дня мочили в ручье, затем скребками очищали от шерсти, снимали слой мездры и сушили. Для отделки передников, летних пальто применяли и черные оленьи кожи. Чернили кожу следующим образом: пережигали сухую траву, сажу добавляли в клей из вываренной рыбьей чешуи и эту массу наносили на кожу, затем, чтобы придать коже блеск, ее терли гладкой поверхностью кедрача.

Пища пепжинско-олюторских и тигильских эвенов состояла из мяса диких оленей, горных баранов, медведей. В быстринской группе — преимущественно из мяса домашних оленей. Как правило, мясо варили, в сыром виде употребляли хрящи, печень, костный мозг. Зимой в небольших количествах ели кусочки мерзлого сырого мяса. В северных группах

Эвенка в национальной одежде

камчатских эвенов ели вяленое мясо. Значительным подспорьем для всех групп камчатских эвенов была рыба. Ее употребляли в вареном, печеном, вяленом и квашеном виде. Зимой ели в сыром виде свежемороженную рыбу осеннего улова. Быстринские эвены ели в сыром виде рыбы головки (*букэч*). Так же как ительмены и береговые коряки, они квасили рыбы головки (*мунгичэ*); из вареной, затем высушенной рыбы, изготовляли муку. По сравнению с другими эвенскими группами камчатские эвены в больших количествах заготавливали юколу.

Известную роль играло и собирательство. Этот промысел был развит у эвенов значительно менее, чем у коряков и ительменов. В пищу использовали съедобные растения сарану (*тукар*), дикий чеснок, дикий лук, кипрей, ягоды.

Выше уже отмечалось, что эвены сбывали пушнину русским купцам и камчадалам — перекупщикам. Существовал и довольно налаженный натуральный обмен продукцией между некоторыми группами камчатских эвенов — оленеводов и береговыми жителями — коряками, ительменами, камчадалами. Обмен носил так же как и между коряками береговыми и кочевыми, характер взаимных подарков. Обычно ительмены, камчадалы выезжали в гости в стойбище эвенов, одаривали хозяев лахтачьими и перпичьими шкурами, иногда жиром морского зверя, юколой и получали взамен оленье мясо, оленьи шкуры, камусы, а иногда готовые торбоза, кухлянки, шапки.

В гости к оседлым корякам за лахтачьими шкурами на подошвы, за перпичьими ремнями приезжали и эвены.

В связи с обменными связями, часто общаясь с соседями, многие эвены знали корякский язык.

Но не всюду между эвенами-олленеводами и камчадалами складывались такие отношения. Кулаки камчадалы из Козыревска и других селений пытались взыскивать с быстринцев плату за выпас оленей близ селений, поднимали вопрос перед полицейскими властями о запрещении эвенам пользоваться соболиными угодьями и об удалении их со Срединного хребта.

Интересны общественные институты камчатских эвенов. Здесь также можно наблюдать переплетение традиционных черт с влиянием коряков, русских, ительменов.

Среди камчатских эвенов был распространен и общеэвенский обычай нимат (*нимадь*). Охотник эвен лучшую часть туши убитого им дикого оленя или горного барана отдавал в подарок соседу или уважаемому гостю. Себе охотник оставлял лишь голову, шею, иногда переднюю часть туши. По обычаю охотник должен был оставить себе голову и шею для того, чтобы от него не ушла удача (счастье). По этой причине в нимат не отдавали первого убитого в сезоне оленя¹⁷. Получив в нимат оленя, сосед считал своим долгом в свою очередь снабдить мясом дарившего, хотя обратный подарок не был обязателен. Таким образом, благодаря этому обычаю мясо в эвенских стойбищах всегда распределялось между всеми семьями.

Следует отметить, что общественное мнение до недавнего времени охраняло эти общинные порядки. Помощь соседям, обычай гостеприимства, обычай нимат рассматривались как само собой подразумевающиеся правила и стойко сохранялись. Охотник, отступивший от этих обычаев, считался злым, жадным, плохим человеком, вызывал насмешки окружающих. Думали, что его постигнут неудача в промысле, несчастья. Наоборот,

¹⁷ Иногда в нимат отдавали целую тушу, когда убивали нескольких оленей, в редких случаях в нимат давали и пушнину.

Эвенка за обработкой шкуры скребком

помощь сородичам, обильные раздачи мяса, рыбы, подарки окружающим создавали охотнику славу почетного человека, удальца, радушного хозяина.

Нельзя не указать, что эта слава и почет высоко ценились охотниками эвенами.

Браки эвенов, как отмечалось выше, были строго экзогамны. В свадебном обряде камчатских эвенов переплелись эвенские, русские и возможно какие-то палеоазиатские черты. Посредником при заключении брака выступал сват. Он в витиеватых, напыщенных выражениях испрашивал от имени жениха согласие родителей невесты на брак. В некоторых селениях обходились и без свата. По свидетельству Е. П. Орловой, при этом совершался следующий обряд: «Жених приезжает в юрту невесты, приходит в ее полог и закуривает трубку; покурив немного, он передает трубку матери невесты; если та возьмет его трубку и закурит, — значит она согласна. Затем жених-сват снова берет трубку и, немного покурив, передает ее отцу невесты; если он возьмет трубку и закурит, — значит и он согласен на брак. Затем трубку опять возвращают жениху, он закуривает и передает невесте; если и невеста примет трубку и закурит — вопрос решен»¹⁸.

Размеры калыма (*гори*) и приданого обсуждались в присутствии жениха или его родителей. Стоимость калыма по обычаю должна была превосходить приданое в два-три раза. После уплаты калыма (как правило, калым выплачивался оленями) невеста в сопровождении родственников переезжала в стойбище жениха, объезжала верхом против солнца три раза чум своего будущего мужа и разводила в чуме огонь.

По расспросным данным, собранным в 1920-х годах Е. П. Орловой, невесту обводили один раз вокруг юрты и три раза вокруг очага, затем за-таскивали в юрту оленя и здесь закалывали его копьём, а кровь выливали в огонь¹⁹.

¹⁸ Е. П. Орлова. Ламуты полуострова Камчатки. «Советский Север», 1930, № 5, стр. 42.

¹⁹ Там же.

Уплата калыма и переезд невесты отмечались праздничными угощениями, играми. Венчание производилось нередко спустя несколько лет после свадьбы. Этот обряд совершался при посещении священником стойбища. В северных группах эвенов бедняки вместо уплаты калыма работали за невесту в доме тестя.

Заслуживают внимания и обычаи, связанные с родами и воспитанием детей.

У камчатских эвенов существовал ряд запретов для беременных женщин. Им запрещалось переходить вброд через рыбные речушки, перешагивать через орудия промысла (удачи не будет), навещать больных (последние сильнее заболеют), есть некоторые виды пищи (думали, что это отразится на удаче в охоте или на здоровье ребенка). Муж беременной женщины без спроса не мог войти в чужой чум.

Во время родов женщину изолировали — ставили для нее особый полог. При родах обычно присутствовала какая-нибудь соседка — старуха, но без особой нужды она не помогала роженице. Рожали на корточках. После родов три-четыре дня женщина отдыхала. В это время она не должна была есть сырого мяса, пить густой чай. Послед завертывали в ровдугу и зарывали в землю. Перед тем, как женщина приступала к своим обычным обязанностям по хозяйству, ее окуривали дымом горящей травы. Новорожденного укладывали в плоскую овальную люльку (*бэбэ*) с дугой для подвешивания к седлу. Подстилкой служил сушеный мох. В случае плохой погоды летом, в морозы зимой, на люльку надевали чехол из ровдуги. Ползающие дети носили комбинезоны. Быстринские и паланские эвены давали ребенку имя недавно умершего родича, так как полагали, что душа последнего переселилась в новорожденного. В некоторых семьях, так же как и у коряков, чтобы определить имя для новорожденного, гадали: подвешивали на треноге камень и называли имена умерших родичей. Если во время произнесения того или иного имени камень покачивался, то на это имя и падал выбор. Когда ребенок начинал говорить, его спрашивали, отчего он умер, и по ответу старались разгадать причину смерти покойного родича.

Детям запрещалось выскребать котел (будет голодать)²⁰, надевать на голову миску (не будет расти), раскачивать надочажную цепь (будет голодать), выковыривать костный мозг (будет спотыкаться), плевать в огонь (будут чирьи), играть с огнем (будет мочиться под себя), есть отросток слепой кишки оленя (будет блуждать на охоте), есть утробный плод важенки (будет слабым). Наоборот, детям давали грызть хвост юколы (будет сильным — сила в хвосте), легкими медведя, смешанными с золой, мазали губы малышкой (будет сильным). Детям запрещалось говорить об охоте, упоминать название убитых зверей, играть ими, кричать в лесу — считалось, что все это может повредить промыслу.

Много своеобразных архаических черт сохранилось в похоронном обряде камчатских эвенов.

Покойника выносили, протаскивая под покрывшей яранги или чума с той стороны, где он лежал. Когда после похорон откочевывали, то на этом месте оставляли три коротких жерди от чума *чога*, длинную жердь *ераи* и верхнюю часть покрывки, прикрывавшей дымоход, *ачуран*.

На похороны созывали ближайших соседей и родичей для оказания помощи (рытье могилы, изготовление гроба и т. д.). Состоятельные для

²⁰ У хаплинских эвенов нам пришлось слышать другое объяснение: запрещалось выскребать котел потому, что когда мальчик подрастет, то будет плохо стрелять и плохо кидать аркан.

угощения приезжих забивали оленя. Покойнику срочно шили недостающую дорожную одежду. Пожилые обычно заранее готовили себе смертную одежду, она же использовалась ими и как праздничная.

У быстринских эвенов в старину перед тем как рыть могилу сооружали помост и на него клали покойника. По словам наших информаторов, так делали для того, чтобы покойник видел, что приготовления к похоронам делаются «по закону». Однако имеются все основания для того, чтобы рассматривать этот обычай как пережиток воздушного погребения, известного камчатским эвенам только по фольклорным преданиям²¹.

Около могилы раскладывали костер и сжигали все щепки и стружки, оставшиеся от изготовления гроба. Предназначенных в жертву оленей обводили вокруг могилы. В случае похорон мужчины закалывали его оседланного ездового оленя; когда хоронили женщину, закалывали нескольких оленей — одного верхового и двух-трех вьючных. Это делалось для того, чтобы покойная могла на том свете водить караван. Когда олени бились в судорогах, присутствующие ударили их погоньями или палками, погоняли, чтобы покойный «ехал». Если олени долго бились, то это рассматривалось как хорошее предзнаменование — у покойного будет удачное путешествие. Затем тут же туши жертвенных оленей разделявали, не повреждая костей. От каждой части туши отрезали кусочек мяса и бросали в огонь. Мясо варили. Родственники покойного его не ели²². Несъеденное мясо раздавали соседям²³. При варке запрещалось повреждать кости и тем более вываривать из них жир. Перед откочевкой все кости жертвенного оленя собирали и оставляли около могилы. Над могилой ставили треногу и к ней подвешивали черепную кость жертвенного оленя с рогами. Около могилы оставляли также седло, спальные принадлежности и верхнюю одежду покойника. Покойника несли к могиле ногами вперед и клали головой на запад, лицом к солнцу. С покойником-мужчиной в могилу клали нож, трубку, посох; с женщиной — скребки для выделки шкур, игольник с иглами. Перед тем как класть в могилу покойника, «открывали дорогу»: надрезали рукавицы, торбоза, распарывали дошку.

После похорон участвующие в обряде обходили вокруг могилы и, возвращаясь к чуму, обмахивались кедровыми ветками. Замыкающий «закрывал дорогу» кедровыми ветками, воткнутыми крест на крест.

Через год родственники павещали могилу. Около нее раскладывали костер и пили чай.

Зафиксировать какие-либо архаические представления о потустороннем мире нам не удалось, но сам похоронный обряд достаточно определенно отражает эти представления — проводы покойника, сборы его в дорогу, снабжение всем необходимым.

Характерны и охотничьи обряды.

В случае добычи дикого оленя или горного барана немного крови выливали в огонь — благодарили за удачу. Черепа и трубчатые кости, головы, губы, рога диких оленей; черепа, трубчатые кости, носы и когти медведей хранили на помостах (*гули*) или в балаганах (*биркэн*). Череп, если он был разрублен (для извлечения мозга), связывали тальником. Глазницы черепа затыкали мхом. Объяснить причину захоронения костей диких

²¹ Один из наших информаторов, Я. П. Уганский, 62 лет, припомнил, что на его веку в колоде на столбах был похоронен один эвен в 80 км от Ханшино. Его так похоронили по личному завещанию.

²² Такой запрет существовал в некоторых семьях быстринских эвенов.

²³ По словам некоторых наших информаторов, мясо нужно было съесть или сжечь до похорон.

оленей и медведей наши информаторы не могли, обычно отвечали: «Так делали, чтобы удача не пропадала», «чтобы кости собаки не грызли».

Нижние зубы диких оленей хранили на счастье в небольших камусных сумочках — *явус*. Если под кожей дикого или домашнего оленя находили ком волос в пленке (*импук*), то это считалось оленьим счастьем и этот ком хранили. Владелец его думал, что ему будет способствовать удача. У пушных зверей на счастье срезали губы, нос. Е. П. Орловой удалось записать другое объяснение этому обычаю. Как ей объяснили, это делали для того, чтобы зверьки потеряли обоняние и смело шли на приманку²⁴. Добыча лисы-альбиноса также считалась особой удачей, шкурку сушили и хранили как амулет.

Существовали и некоторые обычаи по отношению к пушным зверям. Так, убитую лисицу или горностая, в соответствии с древней традицией, встречали как почетных гостей. Навстречу охотнику с такой добычей выносили головню и окуривали добычу. Когда зверька заносили в чум, то в огонь бросали юколу и совали нос зверька в дым — угощали. После того как тушка зверька оттаивала, снимали шкурку.

После добычи медведя (*этэ*) устраивался праздник — угощение восходивших к древнему ритуалу поедания священного животного. Приглашались соседи. Когда варили медвежье мясо, рядом с костром, на шкуре, укладывали медвежью голову. Куски вареного мяса, разложенные на доске, покрывали медвежьей шкурой. Доставая мясо, участники трапезы произносили: «Тагын-канты», что значит достаем камень, а доставая костный мозг, говорили: «Хатын-канты» (берем нитки) и т. д. Медвежье мясо съедали все без остатка. Оно не должно было пропасть. Собакам медвежье мясо не давали.

Женщины, по словам одних наших информаторов, в прошлом не ели медвежьего мяса; по словам других, медвежье мясо не ели только беременные женщины.

Камчатские эвены наделяли медведя в своих представлениях сверхъестественной силой. Считалось, что он на расстоянии слышит и понимает человеческую речь. Он может оказать помощь и нанести вред человеку.

«Однажды один охотник эвен провалился в берлогу и залег там. Медведь его не тронул. Когда охотник хотел есть, медведь прикладывал к его губам лапу — пососет эвен и сыт.

Но вот началась весна, сверху капать начало. Медведь положил лапу под ухо человека, и он услышал человеческую речь. «К старому месту покочуем, надо узнать, куда зять-то пропал». Оказывается, это тесть охотника с тещей разговаривают. «Надо посмотреть, где хоть его останки лежат», — говорит тесть. Все слышно. Утром медведь вылез из берлоги, поманил к себе человека, взглядом показал, куда ему надо идти. Пошел. Действительно, увидел свое стойбище. Рассказал обо всем. После этого стали верить — медведь слышит, нельзя хвалиться»²⁵.

Уважением пользовались даже царапины (*гал*), оставляемые медведем на коре деревьев (медведи таким образом точат когти). «Однажды один охотник шел на промысел, заметил отметку медведя и, решив посмеяться, сделал над ней копьём свою отметку. Возвращается — смотрит — медведь лежит под деревом. Бросился медведь на человека. Друг другу переломали кости. Погибли»²⁶. Отметка поверх заметин медведя рассматривалась как вызов медведя на поединок. «Медведь сделал свою отметку на дереве. Один

²⁴ Е. П. Орлова. Ламуты полуострова Камчатки. «Советский Север», 1930, № 5, стр. 44.

²⁵ Записано от Ф. И. Коеркова, 60 лет, пос. Алавгай.

²⁶ Записано от М. Дыгдычева, 96 лет, пос. Алавгай.

эвен топором сделал отметку выше. Через некоторое время эвен видит, что медведь сделал новую отметку над его зарубкой. Залез эвен на дерево и сделал свою отметку над медвежьей. На следующий год в это время пришел эвен на это место, а медведя нет. Понял — вторая отметка медведя означает, что медведь придет не через год, а через два. Действительно, на второй год подошел эвен к дереву, а медведь уже ждет. Столкнулись они, помяли друг друга, поранили и разошлись. Никто не одолел»²⁷.

Подобные представления и легенды о медвежьих отметках были обнаружены нами у колымских эвенов и якутов. Возможно, эти представления, так же как и приведенная выше легенда об Эмгени, были принесены на Камчатку эвенами — выходцами с Колымы. Так или иначе, медвежий культ в пережиточной форме был распространен среди камчатских эвенов.

Существовало множество магических запретов — правил и примет. Шкуру медведя нельзя трясти — дождь будет; олень тянется — это к встрече; олень зевает — плохая дорога будет. Нельзя класть на огонь кости барана — бараны будут чутя и убегать от охотника. Если из костра с треском выскакивал уголек («костер стреляет»), то уголек кто-нибудь из домашних клал около себя, посыпал золой, а затем укладывал. Считалось, что уголек — это предвестник гостя и его поэтому нужно хорошо принять. Несоблюдением обычая можно нанести вред гостю. В связи с этим обычно рассказывают, теперя уже как старый анекдот:

«Один эвен раздавил уголек, наступил на него. Вскоре приехал его брат, лег и умер. Вот что бывает, когда плохо поступишь»²⁸.

Магический характер имел и следующий обычай, исполнявшийся при встрече гостя. Когда гость подъезжал к чуму, из очага выбрасывали на двор головню, чтобы гость прошел мимо огня и очистился²⁹. Возможно, что этот обычай камчатские эвены заимствовали от коряков.

Среди камчатских эвенов было распространено гадание по оленьей лопатке. На оленью лопатку клали угли и раздували их; кость от жара давала трещины: по характеру и направлению трещин определяли результаты. Если трещины пересекались, то это означало неудачу. Гадали также, подбрасывая рукавицу, если она падала тыльной стороной вверх, то это означало неудачу.

Ряд запретов был связан с представлениями о могуществе и магической силе животных, птиц, насекомых. Запрещалось, например, мучить полевых мышей (перегрызут одежду, вещи, оставленные в запас), нельзя мучить или играть с живой рыбой (утопит), нельзя разорять гнезда птиц, ловить живых птиц (будет дождь, будет беда), нельзя убивать орла (будет преследовать, мстить). Не убивали волка — мстить будет.

Наши информаторы из пос. Хаилино рассказывали, что у них в прошлом был запрет убивать или наносить какой-либо вред птичке-чукотан. Окланские эвены не убивали лебедя.

Возможно, это запреты тотемического характера, хотя никаких легенд о связи того или иного рода с определенной птицей у камчатских эвенов нам зафиксировать не удалось.

Эвены почитали корякские священные места, оставляли там табак, чай, пули; так же как коряки и ительмены, они избегали подходить к горячим источникам.

Камчатские эвены, за исключением северных, считались официально православными, имели русские фамилии и имена. Как показала Е. П. Ор-

²⁷ Записано от Ф. И. Коеркова.

²⁸ Записано от Е. М. Адукановой, 78 лет, пос. Анавгай.

²⁹ Е. П. Орлова. Ламуты полуострова Камчатки. «Советский Север», 1930, № 5, стр. 44.

лова, большинство фамилий быстринских эвенов происходит от местных прозвищ: Адукановы — от Адукан (зачем), Бонакановы — от Банакан (ленивый), Гилкановы — от Гилкан (босой, голый), Дыгдычевы — от Догдич (зачесанный), Имдановы — от Индан (толкать), Ичанга — от Ичанга (одежда, по-корякски), Коерковы — от Коерко (раненый), Мандятовы — от Мандят (копченый), Тылкановы — от Тылкан (имя собственное). Кроме того, у эвенов были фамилии, полученные ими, очевидно, от русских — Солдяковы, Черкановы. Любопытна фамилия Колумские (пришедшие с Колымы), ныне эта фамилия исчезла.

Эвены исповедовались при посещении стойбища священником, крестили детей. Каждая семья возила с собой иконы в ровдужных мешочках. Отмечались некоторые христианские праздники. Это не мешало населению хранить амулеты, бубны. В случае болезни, возникновения эпидемии или эпизоотии обращались к шаману. Последний, по словам наших информаторов, «призывал» при помощи бубна и пения духов-помощников и с их помощью «отгонял» духа болезни, предсказывал будущее, гадал³⁰. Любопытно отметить, что шаманы тоже считались христианами.

В условиях изоляции от основной массы своих единоплеменников камчатские эвены сохранили свои национальные черты культуры. Среди камчатских эвенов широко бытовали и сохраняются в настоящее время короткие сказки о животных. Особый интерес представляют нимканы — волшебные сказки о похождениях богатырей, их борьбе и чудесных перевоплощениях. Часть сказки рассказывается, часть поется.

Сохранили эвены и свой традиционный круговой танец норгэли: участники кружатся под импровизированный мотив.

Таким образом, на протяжении весьма короткого периода на Камчатке сформировалась весьма своеобразная группа эвенов, отличная по характеру хозяйства и по ряду элементов культуры от основной массы своих материковых собратьев. В хозяйстве и культуре камчатских эвенов можно наблюдать переплетение собственно эвенских элементов с корякским, камчадальским и якутским влияниями. Приспосабливаясь к новым условиям среды, переселенцы многое восприняли от своих соседей и с течением времени видоизменили и свой быт и свое хозяйство.

Об Октябрьской социалистической революции и Советской власти камчатские эвены узнали в 1920-х годах. В 1922 г. вести об этих событиях дошли и до быстринцев. «Об Октябрьской революции, — рассказывали быстринские эвены первому учителю Анавгайской школы М. Антропову, — мы узнали только в 1922 г., когда на р. Быструю пришел Алеко (русский рабочий) и рассказал, как произошла Октябрьская революция, что дала она всем трудящимся и нам, кочующим ламутам»³¹.

Значительно позже известия о Советской власти дошли до окланских и ханлинских эвенов.

В 1925 г. Камчатский губернский революционный комитет выпустил специальное «Обращение к кочевым народностям Камчатской губернии», в котором очень популярным языком рассказывалось о сущности Советской власти, о революции, об организации родовых советов, о необходимости соблюдать сроки охоты на пушных зверей и т. д. «Один из великих людей, — говорилось в «Обращении», — товарищ Ленин, говорил, чтобы ламут или коряк, или чууча многое знал, нужно учиться. Выучиться он, вернется к своим людям и будет у них работать, говорить со своими он

³⁰ Особенности шаманства камчатских эвенов неизвестны. Никому из исследователей наблюдать камлание у камчатских эвенов не приходилось. В настоящее время практикующих шаманов нет.

³¹ М. Антропов. Среди ламутов. М., 1931, стр. 6.

будет на своем языке. Узнает, что им нужно, и скажет нам, а мы уж поможем.

Советская республика стремится, чтобы всем жилось хорошо, и вы должны помнить, что только она является защитницей всех трудящихся людей, таких как вы, жители сурового Севера»³².

Приполярная похозяйственная перепись 1926—1927 гг. дала весьма ценный материал о расселении, хозяйстве и быте камчатских эвенов³³. Данные, собранные во время переписи, облегчили советское и культурное строительство.

В 1928 г. был создан Быстринский ламутский туземный район, а в 1932 г. он был переименован в Быстринский эвенский национальный район. Так как на территории района не было ни одного поселка, то центр первоначально размещался в Козыревске (за пределами района). Затем центр был перенесен в местность Анавгай, где было несколько эвенских зимников. Здесь уже тогда работала школа.

История ее весьма интересна и показательна для понимания дореволюционного уровня развития быстринских эвенов. Приведем подлинные свидетельства первой советской учительницы среди эвенов Е. П. Орловой:

«С 1916 г. ламуты решили «держатъ» у себя человека, который учил бы их грамоте: читать и писать по-русски.

Нашли русского человека, и импровизированная школа заработала. Когда в юрте стало тесно, то из американской синей дрели женщины сшили школу-палатку (она в то же время служила часовней). Прорезали ряд кругленьких дырочек, сантиметров 15 в диаметре, вставили в дырочки стекла и натянули палатку. Школа-палатка была построена в 1916 г. и функционировала в таком виде до 1926 г.»³⁴.

В 1925 г. были отпущены средства на постройку специального здания школы; в 1926 г. школа была выстроена³⁵. Хотя строители подошли к этому делу недобросовестно, не сделали вторых рам, не проконопатили стен, школа была принята. Эвены привезли чугунки-временки, но по неопытности не смогли их установить. Печи были установлены с помощью учительницы. Школьники первоначально жили в чумах³⁶. Хотя в большинстве семей эвенов к школе относились доброжелательно, в некоторых семьях существовало недоверие к новому мероприятию: не все родители понимали, зачем их детям нужно знать грамоту. Боялись, что они оторвутся от семьи, промысла, привычных занятий. Тем не менее в 1926/27 учебном году в школе уже было 18 учеников разного возраста — от 9 до 21 года³⁷.

На средства самообложения в 1928 г. началось строительство интерната. Населением было заготовлено 400 бревен. Родители по очереди ездили за продуктами для школьников за 150—200 км.

Отношение быстринских эвенов к школе хорошо отражают следующие слова из письма А. Ф. Мандытова к сыну-школьнику, приведенного М. Антроповым:

«Сынок, прошу, постарайся грамоту узнать. Если грамотный будете, свою жизнь поднимите и всем туземцам поможете и будут считать вас человеком»³⁸.

³² «Дальревком». Сб. материалов. М., 1940, стр. 104.

³³ Е. П. Орлова. Хозяйственный быт ламутов Камчатки. «Северная Азия», 1928, № 5—6, стр. 84—90.

³⁴ Е. П. Орлова. Ламуты полуострова Камчатки. «Советский Север», 1930, № 5, стр. 46.

³⁵ Там же, стр. 44.

³⁶ А. Смагин. В кольце вулканов. М., 1931, стр. 61.

³⁷ Е. П. Орлова. Ламуты полуострова Камчатки. «Советский Север», 1930, № 5, стр. 46.

³⁸ М. Антропов. Указ. соч. стр. 18—20.

С организацией школ среди эвенов началась подготовка своих национальных кадров. В 1930—1932 гг. несколько человек из молодежи Быстринского района было командировано в Институт народов Севера на подготовительное отделение. Но кадры готовились и на месте. Открытая в с. Каменском окружная двухгодичная совпартшкола, где преподавание велось на родном языке учащихся, подготовила работников для эвенских колхозов и сельских советов. Эти работники, авторитетные в своей среде, сумели на родном языке разъяснить значение коллективных форм хозяйства, цели Советской власти и способствовали значительному повышению культурного и общего политического развития эвенов. Один из выпускников этой школы, Т. Кавав, вернувшись в пос. Палану кочевую (так назывался поселок эвенов), организовал учет трудодней, наладил работу сельского совета. В настоящее время Т. Кавав — один из лучших охотников колхоза «Пролетарий».

В 1920-х годах эвенов центральной части Камчатки начали обслуживать врачи и фельдшера. В 1927 г. в с. Тигиль была утверждена должность разъездного врача по кочующим стойбищам. В это же время среди эвенов развернули работу советские торговые организации.

Несмотря на то, что эвены вели в основном натуральное хозяйство, ряд предметов и продуктов они приобретали в лавках и кооперативных торговых точках. «Постоянный недозавоз предметов первой необходимости, — отметила Е. П. Орлова при проведении похозяйственной переписи 1927 г., — угнетает ламутов не меньше, чем оседлых: «Видишь, привыкли хлеб кушать и чай и табак, рубашки тоже привыкли носить, стыдно как-то без них — плохо, скучаем, когда всего нету»³⁹.

Завоз предметов первой необходимости способствовал и среди быстринцев резкому усилению товарной пушной охоты. Улучшение снабжения способствовало в то же время подрыву частной хищнической торговли. В 1925 г. на Камчатке частная торговля пушниной была запрещена, но фактически она велась.

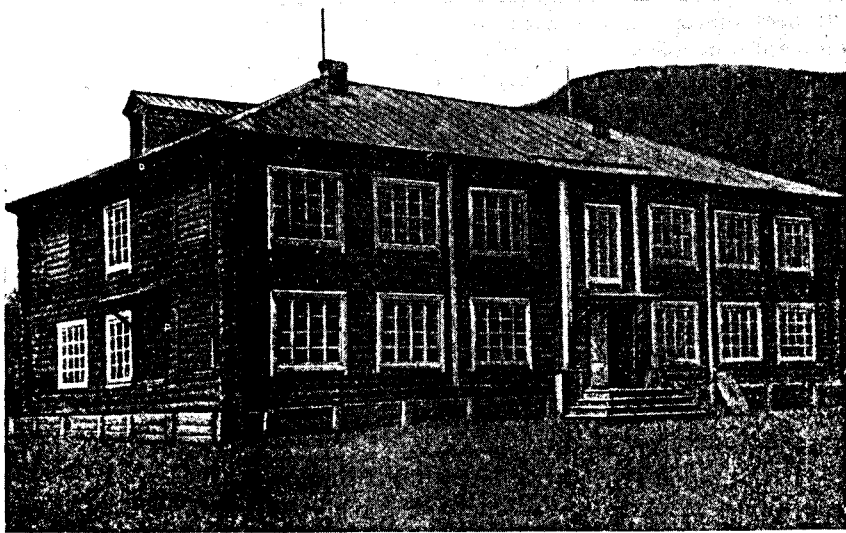
«На Камчатке, — писал в 1928 г. М. Антропов, — существует специальный вид торговцев спиртом — спиртоносы. Под видом приятеля спиртонос забирается в юрту, угощает всю семью и начинает торг. За полбутылки водки он получает половину оленя. Ламуты пьют спирт патоцк, не закусывая ничем. Этим достигается более сильное опьянение»⁴⁰. Спиртоносы, пользуясь пристрастием к спирту, выманивали у населения за бесценок пушнину, опутывали отдельные семьи долгами.

Однако ко времени проведения коллективизации местные советские органы фактически завершили борьбу как со скупщиками пушнины, так и с их разновидностью — спиртоносами. Большую роль в этом сыграли местные учителя, фельдшера, школьники, разъяснявшие населению, кто скрывается под видом приятеля — гостя.

В 1929—1933-х годах в районах расселения эвенов началась коллективизация. Хотя во время осуществления этого большого мероприятия было допущено немало ошибок и перегибов, объединение в товарищества уже вскоре позволило эвенам значительно рационализировать свое хозяйство. Объединение мелких оленьих стад высвободило значительное количество рабочей силы для строительства, охоты и рыболовства. Товариществам эвенов были переданы олени, реквизированные у кулаков. После этого основной отраслью хозяйства у северных групп камчатских эвенов стало

³⁹ Е. П. Орлова. Хозяйственный быт ламутов Камчатки. «Северная Азия», 1928, № 5—6, стр. 99.

⁴⁰ М. Антропов. Указ. соч., стр. 25.

Средняя школа в пос. Эссо

оленоводство мясо-шкурного направления — более выгодная отрасль хозяйства по сравнению с мясной охотой. Большое значение приобрела товарная пушная охота. Торговые точки, завоз товаров и продуктов в районы расселения эвенов способствовали развитию этой отрасли хозяйства. В связи с этим отдельные семьи эвенов стали приобретать ездовых собак, так как объезд промысловых участков на собаках более выгоден, удобен, чем объезд на оленях. Собаководство повлекло за собой усиление добычи рыбы и привело отдельные семьи к оседлости.

Таким образом, коллективизация уже на первых этапах, в 1933—1936 гг., привела к значительным изменениям в самом комплексе традиционных занятий эвенов, позволила ликвидировать в нем ряд противоречий. Хозяйство северных эвенов Камчатки стало более рациональным, в хозяйстве быстринских эвенов также получила дальнейшее развитие доходная пушная охота, усилились связи с торговыми организациями, поднялся уровень материального благосостояния населения. В 1938—1945 гг. мелкие товарищества стали объединяться и укрупняться.

Ряда успехов достигли камчатские эвены и в области культурного строительства. Все эвенские товарищества приступили к строительству своих хозяйственных центров. Здесь обычно размещались и культурно-просветительные учреждения — школы, медицинские пункты.

В 1932 г. эвены, кочевавшие в верховьях р. Паланы, — Солдяковы, Корковы и Каваны — объединились в товарищество по совместному выносу оленей. В верховьях р. Паланы началось строительство поселка. С большими трудностями была выстроена школа, помещение для фактории, несколько жилых домов. Но поселок товарищества оказался в значительном отдалении от баз снабжения. Для завоза товаров и продуктов членам товарищества приходилось тратить много сил. В 1939 г. колхозники сочли перевозки слишком обременительными для себя и решили перебраться в низовья р. Паланы. Здесь эвенское товарищество объединилось с артелью береговых коряков. Объединенный колхоз получил наименование «Пролетарий». После укрупнения колхоз стал развивать оленеводство, охоту, рыболовство, молочное животноводство и огородничество.

Укрупнение мелких товариществ, слияние их с более крупными объединениями способствовало и укреплению и расширению общественного хозяйства. Однако следует отметить, что этот процесс протекал на Камчатке не без трудностей. Перенос поселков часто надолго затягивался. Большинство эвенов не имело строительного опыта, построенные с величайшими усилиями здания разбирали и сплавляли или перевозили на новое место, где собирали вновь. В результате некоторые семьи в течение ряда лет жили в поселках в старых ярангах или палатках.

Особенно болезненно сказались переносы поселка на хозяйстве эвенского колхоза «Новый путь» Окланского сельсовета. Этот колхоз свой хозяйственный центр начал строить в 1940 г. в низовьях р. Оклан. Но место для поселка было выбрано неудачно, берег возле поселка размыло. С большим трудом эвены начали перевозить поселок в с. Каменское. В 1951 г. колхоз переселился в этот поселок, но тут выяснилось, что в районе с. Каменского нет рыбы, нет сенокосов, а колхоз к этому времени приобрел рогатый скот, и колхозники решили вернуться в низовья р. Оклана.

В годы Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков эвены колхозники — члены товариществ напрягали все свои усилия для максимальной добычи пушнины. Вместе со всем советским народом камчатские эвены проявляли горячую заботу о фронте, посылали бойцам теплые вещи, участвовали в сборе средств на постройку танков и самолетов. Камчатские эвены с оружием в руках защищали свою социалистическую родину. Быстринцы гордятся своими земляками — артиллеристом И. И. Солдяковым, командиром отделения Н. А. Адукановым, радистом К. С. Имдановым, тапкистом П. А. Черкановым и др. Смертью храбрых пали Г. А. Черканов и С. А. Адуканов.

Несмотря на трудности военного времени, товарищества эвенов за годы Отечественной войны значительно окрепли организационно и хозяйственно. Это позволило им перейти к более высокой форме объединения. Мелкие эвенские товарищества стали объединяться между собой и переходить на устав сельхозартелей. Так, в 1945 г. на базе товариществ по совместному выпасу оленей, существовавших в Апуко-Ламутском сельсовете Олюторского района, был создан колхоз им. Жукова. В колхоз вошло 42 хозяйства, в числе колхозников были 82 чукчи и 81 эвен.

Переход к коллективным формам ведения хозяйства способствовал дальнейшему подъему благосостояния эвенов. Однако успехи эвенских колхозов были бы несомненно выше, если бы в это время не проявилось необдуманное стремление местных руководящих организаций превратить хозяйство эвенов в многоотраслевое, привить новые отрасли хозяйства.

Первые опыты по введению новых отраслей хозяйства были сделаны еще в 1930-х годах. В 1932 г. Быстринский райинтегралсоюз произвел в с. Эссо пробные посевы на площади 0,2 га и завез четыре головы крупного рогатого скота. В 1936 г. эвенское товарищество в пос. Анавгай разбило огороды на площади 1,7 га, но опыт оказался не слишком удачным. Работавшая в 1936—1937 гг. в Быстринском районе землеустроительная экспедиция предложила резко увеличить поголовье крупного рогатого скота, довести его до 200 коров и иметь к 1942 г. в колхозах района не менее 300 свиней и посевную площадь в 117 га.

Давая такие рекомендации, руководители землеустроительной экспедиции не учли малочисленность коренного населения, отсутствие у него необходимых навыков и опыта, трудоемкость вводимых отраслей хозяйства, наконец — нерентабельность таких отраслей, как свиноводство или птицеводство, в суровых климатических условиях Камчатки. Тем не менее установка землеустроительной экспедиции легла в основу хозяйственных

В поселке Палана

планов колхозов Быстринского района. Районные организации, руководители колхозов все внимание сосредоточили на новых отраслях хозяйства. «Просматривая подшивку районной газеты, я удивлялся, — писал С. Бытовой, посетивший в 1946 г. Быстринский район, — почему все номера больше чем за год посвящены одному и тому же вопросу — пользе коровьего молока»⁴¹.

Увлечение животноводством, огородничеством приводило к тому, что традиционные, более рентабельные отрасли хозяйства, оказались в загоне. В животноводстве и огородничестве были установлены более высокие гарантированные ставки и нормы оплаты, чем в оленеводстве. Однако практика убедительно показала, что новые отрасли хозяйства в эвенских колхозах не могут стать ведущими. Расчеты стоимости трудодня даже в сравнительно южном Быстринском районе убеждают в том, что стоимость одного трудодня в животноводстве и огородничестве значительно ниже, чем в оленеводстве. По данным 1956 г. стоимость одного трудодня в животноводстве была около 5—6 руб., в огородничестве — около 4—5 руб., в оленеводстве — около 25 руб.

Нерентабельность огородничества, животноводства еще ярче проявлялась в северных эвенских колхозах. Эти отрасли хозяйства должны развиваться в эвенских колхозах как подсобные, для удовлетворения нужд самих колхозников. Местные партийные и советские органы помогают колхозникам правильно решить стоящие перед ними хозяйственные задачи.

В настоящее время, в связи с невозможностью сбывать излишки продукции огородничества, произведено значительное сокращение посевных площадей. Так, в Быстринском районе в 1955—1956 гг. посевные площади равнялись 80 га, а в 1959 г. вся посевная площадь ограничивается 32 га, в том числе под картофелем — 15 га, под овощами — 2 га, остальная площадь предназначена под кормовые культуры и травы. Такой объем огород-

⁴¹ С. Бытовой. Камчатские встречи (Путевые очерки). Л., 1948. стр. 179.

ничества полностью обеспечит колхозников овощами, а также удовлетворит потребности районного центра.

В 1955 г. в колхозах Быстринского района было 197 голов крупного рогатого скота. В 1957 г. количество скота снизилось до 115 голов. Однако в связи с ростом среднегодового удоя молока наличное количество коров позволило обеспечить население района свежим молоком. В 1959 г. предполагается оставить всего 75 голов крупного рогатого скота, но за счет улучшения ухода и увеличения удоев обеспечить население молоком.

В настоящее время в колхозах, где значительную часть населения составляют эвены, складывается следующий тип хозяйства: ведущей отраслью является оленеводство мясо-шкурного направления; эта отрасль — основной источник и натуральных и денежных доходов колхозников. На втором месте пушная охота — источник денежных доходов; рыболовство товарного значения не имеет: рыба распределяется по трудодням и расходуется на корм собакам. Подсобной отраслью для обслуживания охоты служит собаководство, для летнего транспорта — коневодство, для удовлетворения личных нужд колхозников — молочное животноводство и огородничество.

В эвенских колхозах и совхозах все более широко применяется техника. Например, в 1958 г. колхоз им. Сталина Быстринского района приобрел трактор. В колхозе имеется тракторный плуг, дисковая борона, три конные косилки. Тракторы имеются и в оленеводческих совхозах. Они используются не только на сельскохозяйственных работах, но главным образом на перевозке строительного леса, топлива, грузов. В колхозах появились также невода, малые (до 250 м) и большие (до 500 м).

В Окланском, Пенжинском и Корфском оленеводческих совхозах эвены заняты в основном выпасом оленей. Охотой и рыболовством эвены — рабочие совхозов занимаются для удовлетворения собственных нужд.

Оленеводы эвены, занятые выпасом стад, кочуют, как правило, в значительном отдалении от поселков. Большинство оленеводческих бригад состоит официально из 3—5 человек — это три пастуха и одна-две юртовые работницы. Но обычно в бригаде значительно больше людей, так как с пастухом нередко кочует вся его семья, за исключением детей школьного возраста и глубоких стариков. Чаще всего обязанности юртовой работницы исполняют жены или матери пастухов. В обязанности пастухов входит круглосуточное окарауливание стада. Дежурство обычно длится 12 часов, затем пастух получает отдых. Юртовая работница помогает при перекочевках в установке и разборке чума, приготовляет пищу, чинит одежду и обувь пастухов, шьет одежду и обувь. Во время «коррализации» — пересчете оленей, отбивки неплодовой части стада — юртовые работницы помогают пастухам. Нередко трудодни, начисляемые юртовой работнице, а в совхозах — ставки юртовой работницы делятся между всеми женщинами бригады. На месяц бригаде предоставляется забить на мясо 5—6 голов оленей. За них пастухи платят по льготным ценам. Мясо делится по семьям, а в тех бригадах, где преобладает холостая молодежь, практикуется совместное питание, и продукты поступают в общий котел.

Обычно централизованно, через правление, бригада закупает в счет аванса и такие продукты, как чай, сахар, муку, крупу, галеты, соль, табак. По заказу каждого члена бригады ему лично доставляют ткани, одежду и т. д. За продуктами зимой выезжает кто-нибудь из членов бригады. Летом, когда стада кочуют на большом расстоянии от поселка, завоз продуктов организует правление колхозов и дирекция совхозов.

Зимой, в свободное от дежурства время, пастухи добывают пушнину, летом — рыбачат, бьют рыбу острогами, ставят сети, плетут арканы, изго-

ляют нарты. За изготовление нарт, за сданную пушнину пастухам накладываются дополнительно трудоводни. Дополнительным приработком женщин служит заработок от выделки шкур и камусов, пошивки пологов, одежды.

Члены оленеводческой бригады живут зимой в описанных выше чумах с пологами. Летом используются двускатные матерчатые палатки или шалашы, покрытые парусиной. Эти формы переносных жилищ просты, удобны для перевозки. Однако они уже не удовлетворяют оленеводов. В обычном чуме трудно поддерживать равномерную температуру, соблюдать санитарно-гигиенические нормы, зимой в таком чуме невозможно стирать и т. д. Колхозники-оленеводы нуждаются в замене чума старого типа более современным и удобным переносным жилищем, хотя ряд конструктивных принципов эвенского чума может быть сохранен.

Отметим также, что не всегда удовлетворяются потребности эвенов в легких портативных (карманных) керосинках, простых в употреблении, походных небьющихся термосах, флягах, небольших алюминиевых котелках, фонарях карманных и палаточных, наборах облегченных инструментов (пила, топор, стамеска, сверла) и т. д.⁴²

Личное подсобное хозяйство эвенов колхозников в большинстве случаев очень небольшое. Отдельные хозяйства имеют по 5—6 оленей. Выпасаются они в особом стаде и являются фактически дополнительным источником поступления мяса, весьма незначительным. Некоторые хозяйства стринцев имеют в личном пользовании лошадей. Их используют в транспортных целях для поездки в охотничьи или оленеводческие бригады, на балку и т. д.

В колхозе им. XX партсъезда отдельные эвены, постоянно живущие в селке, завели небольшие огороды. В известной мере к личному хозяйству относится охота на куропадок, горных баранов, рыболовство.

Основным источником существования эвенов-колхозников, естественно, являются деньги и продукты, выдаваемые на трудоводни.

До недавнего времени в ряде эвенских колхозов наблюдалось стремление к всемерному подъему денежной части трудоводня. Это видно на примере колхозов Быстринского района.

В 1956 г. колхоз им. XX партсъезда выдал на один трудоводень 12 руб. деньгами и 1 кг картофеля; колхоз им. Ленина — 9 руб. 61 коп.; колхоз им. Сталина — 13 руб. деньгами, 1 кг картофеля и немного рыбы. В связи с этим значительную часть продуктов — не только хлеб, соль, чай, крупы, мясо, масло — колхозники были вынуждены покупать в магазинах и в колхозе.

В 1957 г. стоимость одного трудоводня в колхозах Быстринского района по сравнению с 1956 г. увеличилась. Возросли и натуральные выдачи. В колхозе им. Сталина на один трудоводень было выдано: деньгами — 17 руб., мяса — 0,5 кг, рыбы — 0,5 кг и картофеля — 1 кг; в колхозе им. Ленина — деньгами — 9 руб. 89 коп. и картофеля 1 кг; в колхозе им. XX партсъезда — деньгами 20 руб. и картофеля 0,5 кг. Нетрудно видеть, что наиболее удачное сочетание денежной и натуральной части трудоводня получено в колхозе им. Сталина. В этом колхозе пастух-олeneвод М. Х. Солодя-

⁴² Торговые организации плохо учитывают специфические производственные потребности населения таяжных и тундровых районов. В ряде торговых точек в эвенских колхозах не было защитных темных очков (от блеска снега). Плохо завозятся одноразовые подставки для собачьих нарт, собачьи цепи, вертлюги. На Камчатке, где люди особенно страдают от комаров и мошек, мало в продаже препаратов, предохраняющих от этих насекомых.

ков заработал 712 трудодней, на которые получил 12 104 руб., кроме того, 712 кг картофеля, 356 кг мяса и 356 кг рыбы; пастух-оленеvod Л. Ф. Солодяков заработал 532 трудодней и получил 9044 руб., 532 кг картофеля, 266 кг мяса и 266 кг рыбы; доярка М. Г. Тылканова выработала 370 трудодней и получила 6290 руб., 370 кг картофеля, 185 кг мяса и 185 кг рыбы.

В колхозе им. XX партсъезда заработки оленеводов выше, чем заработки в колхозе им. Сталина, но натуральные выдачи меньше. Оленевод И. Г. Коерков выработал 658 трудодней и получил 13 160 руб. деньгами и 329 кг картофеля; оленевод А. Е. Адуканов вместе с семьей выработал 1236 трудодней, на которые получил 24 720 руб. и 618 кг картофеля. Мясо и рыбу члены колхоза им. XX партсъезда покупают в колхозе за наличный расчет или берут в счет авансов.

В настоящее время колхозы стремятся к увеличению натуральных выдач на трудодень (мясо, картофель, рыба)⁴³.

Принимаются и меры по обеспечению безоленных колхозников оленями.

В 1958 г. колхозами Быстринского района были запланированы следующие выдачи на один трудодень: колхоз им. Сталина — деньгами 17 руб., рыбы — 0,5 кг, мяса — 0,5 кг, овощей — 0,3 кг, молока — 0,5 кг, картофеля — 1 кг; колхоз им. Ленина — деньгами 10 руб., мяса — 0,55 кг, картофеля — 0,52 кг; колхоз им. XX партсъезда — деньгами 23 руб., мяса — 0,8 кг и картофеля — 0,8 кг. Таким образом, усилия колхозов направлены в первую очередь на увеличение натуральных выдач.

Значительная часть эвенов Камчатки в настоящее время живет в поселках. За последние годы жилищное строительство в эвенских колхозах ускорилося. Только в Быстринском районе за 1957—1958 гг. построено 45 жилых домов для колхозников эвенов. Большое строительство проведено в Пенжинском, Окланском и Корфском оленеводческих совхозах. В ряде эвенских колхозных и совхозных поселков работают электростанции мощностью 24—30 квт. Свои электростанции имеют колхоз им. Сталина Быстринского района, колхоз «Пролетарий» Тигильского района, колхоз им. Кирова того же района, Пенжинский оленеводческий совхоз Пенжинского района и др. Все эвенские поселки радиофицированы.

Примером современного колхозного эвенского селения может служить пос. Анавгай. Здесь ровными рядами высятся срубные дома колхозников. В поселке работают начальная школа, медицинский пункт, клуб, магазин, колхозная столовая, ясли, детсад, почта, радиоузел. На теплых ключах около поселка построена баня. За поселком размещается молочно-товарная ферма. Около поселка разбиты огороды. Некоторые дома и приусадебные участки огорожены. Колхоз ведет большое строительство. Благодаря значительным государственным ссудам (на один дом отпускается до 25 тыс. руб.) колхозники строят просторные добротные дома, покрывают их тесовыми крышами. К домам пристраивают кладовки, тамбуры.

В домах эвенов теперь можно видеть городскую мебель, часы, патефоны, зеркала, радио. На окна вешают занавески. Столы покрывают клеенкой.

Но многие эвенские семьи и в поселках сохраняют в быту особенности, связанные с кочевым образом жизни. Над кроватями вешают матерчатые пологи. Нередко вместо кроватей устраивают широкие нары, на них спят и сидят, поджав под себя ноги. Женщины выделывают шкуры и кроят,

⁴³ Значительные денежные и натуральные выдачи на трудодень производят корякско-эвенские колхозы Тигильского района. В 1956 г. колхоз «Пролетарий» пос. Падана выдал на один трудодень 20 руб. деньгами, 400 г мяса, 350 г картофеля, 400 г рыбы.

сидя на полу. В некоторых семьях и едят за низким столиком, сидя на полу. Летом многие эвенские семьи переселяются из срубных изб в чумы, крытые парусиной, или в палатки. В чумах прохладней, чем в избах, а дым от костра служит защитой от комаров и мошек. Обычно летние чумы ставят рядом с домом и только в сезон рыбодобычи переносят на рыбалку.

В суровых климатических условиях Камчатки, особенно в зоне тундры, эвенский национальный костюм (нагрудник, кафтан с несходящимися полами) оказался неудобным. Как отмечалось выше, эвены мужчины стали перенимать корякский костюм — глухие курлянки, длинные штаны, короткую обувь. Однако вплоть до настоящего времени камчатские эвены сохранили и свой национальный костюм.

У быстринских эвенов мужчины в оленеводческих бригадах в качестве промысловой одежды нередко используют распашные пальто, сшитые в талию, передники, женская эвенская одежда находит себе применение как праздничная. Расшитые бисером и подшпанным оленьим волосом дошки нам пришлось видеть во всех группах камчатских эвенов. Сохранились также эвенские шапки, расшитые бисером, торбоза. В то же время к эвенцам проникло белье, а также фабричная готовая одежда — костюмы, платья, пальто. Широкое распространение получили ватные костюмы. Летом большинство эвенов использует покупную одежду. Пастухи особенно ценят легкие плащи или накидки из брезента; рыбаки пользуются резиновыми сапогами.

В результате общей перестройки хозяйства Камчатки исчезла былая изолированность эвенов. В настоящее время эвены трудятся в колхозах и совхозах совместно с коряками и русскими. Так, в Окланском оленеводческом совхозе в 1956 г. числилось 64 семьи, из них 30 эвенских, 12 корякских, пять смешанных эвенско-корякских и 17 русских. В колхозе им. XX партсъезда в пос. Анавгай нами было учтено 55 семей, из них 35 эвенских, 14 русских (в том числе украинских, удмуртских и пр.), три — русско-эвенских, три эвенско-корякских. Совместное проживание привело к тому, что участились браки между эвенцами и коряками, эвенцами и русскими, в прошлом крайне редкие.

В колхозах и совхозах эвены занимаются преимущественно оленеводством, охотой, рыболовством; русские — строительством, животноводством, огородничеством и охотой. Но и некоторые эвены приобрели специальности плотников, столяров, животноводов.

Все эвены в быту пользуются родным языком. В то же время большинство взрослых двуязычно, владеет в той или иной степени русским языком, а некоторые и корякским. Это явление было отмечено еще при прове-

Семья эвена Долганова (Долганов в корякском национальном костюме)

Группа эвенов в современной национальной одежде

лении переписи 1927 г. Уже тогда большинство мужчин эвенов говорило по-русски и по-корякски⁴⁴. В настоящее время знание разговорного русского языка характерно и для женщин. Плохо знают русский язык только старухи 60—70 лет. Опрос окланских эвенов показал, что тремя языками — эвенским, русским и корякским — владеют 11 человек, эвенским и русским — 40, эвенским и корякским — 35, одним только эвенским — 4 человека. Дети дошкольного возраста владеют русским языком обычно плохо. Поэтому подготовительный класс, где дети осваивают разговорный русский язык, для них весьма важен.

Свободно владеет русским языком эвенская молодежь, окончившая семилетнюю школу. Молодые колхозники, окончившие пять — семь классов, охотно читают русскую художественную литературу.

Смешанные браки, явления двуязычия, совместное проживание и совместный труд с коряками и русскими свидетельствуют о том, что камчатские эвены быстро сближаются со своими соседями.

Исчезла былая культурная замкнутость. Для эвенов колхозников перестало быть редкостью посещение главного города области Петропавловска-на-Камчатке. Молодежь здесь учится в различных учебных заведениях — педагогическом институте, медицинской школе, мореходном училище и т. д. Некоторые колхозники эвены побывали не только в дальневосточных городах Хабаровске, Владивостоке, Магадане, Николаевске, Биробиджане, но и в Москве и Ленинграде.

Студенты эвены, обучающиеся в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена, в Хабаровском педагогическом и медицинском институ-

⁴⁴ Е. П. Орлова. Ламуты полуострова Камчатки. «Советский Север», 1930, № 5, стр. 45.

гах, поддерживают постоянную переписку со своими родственниками в колхозах. В 1958 г. трое быстринских эвенов учились в педагогических институтах, один — в медицинском институте, один — в педагогическом училище, трое — в медицинских техникумах, шесть человек — в сельскохозяйственной школе и в партийной школе — один человек.

Эвены, окончившие специальные учебные заведения, работают в качестве учителей, медиков, связистов, культпросветработников, находятся на руководящей советской, партийной и хозяйственной работе.

Все это сказалось на культурном облике эвенов. Ушли в прошлое обычаи и обряды, не соответствующие новой морали советского социалистического общества. Так, прекратилась выплата калыма за невесту, исчезли ранние браки, сватовство. Не соблюдаются запреты для детей, для беременных женщин. Исчезает обычай экзогамии: в Быстринском районе из 35 опрошенных эвенских брачных пар, в четырех муж и жена оказались происходящими из одного и того же рода. Исчезло шаманство. Забыта и христианская обрядность. Лишь старики соблюдают охотничьи обряды. Наиболее полно сохранился похоронный обряд.

В настоящее время эвены отмечают общесоветские праздники. Местным, в известной степени национальным, праздником стал День оленевода, который празднуется осенью.

На этом празднике правление колхоза обычно сообщает о хозяйственных достижениях. Лучшие охотники и оленеводы поощряются премиями. Как правило, на празднике устраивается состязание оленьих упряжек, молодежь танцует эвенский национальный круговой танец норгэли⁴⁵.

Радио, клуб, кино вошли в быт населения. Бригады пастухов-олленеводов обслуживаются работниками красных яранг. Работники этих своеобразных передвижных клубов читают оленеводам новую литературу, проводят беседы о политических событиях, демонстрируют кино, занимаются с малограмотными. Большой популярностью пользуются радиопередачи на эвенском языке из Петропавловска-на-Камчатке. С большим интересом эвены смотрят кинофильмы. Но не все кинокартины, демонстрирующиеся на экранах, воспринимаются одинаково. Далекие от северной действительности зарубежные фильмы многим не понятны. Особой популярностью пользуются кинофильмы об Октябрьской революции, гражданской войне, Отечественной войне и современной колхозной жизни. Следует отметить, что наряду с новыми формами искусства бытуют и традиционные национальные танцы, сказки, песни. Камчатские эвены успешно развивают свое социалистическое хозяйство, преодолевают трудности и вместе со всеми народами Советского Союза участвуют в строительстве коммунистического общества.

⁴⁵ О культурном строительстве среди быстринских эвенов см.: И. С. Гурвич. Быстринские эвены Камчатской области. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXII, 1959.